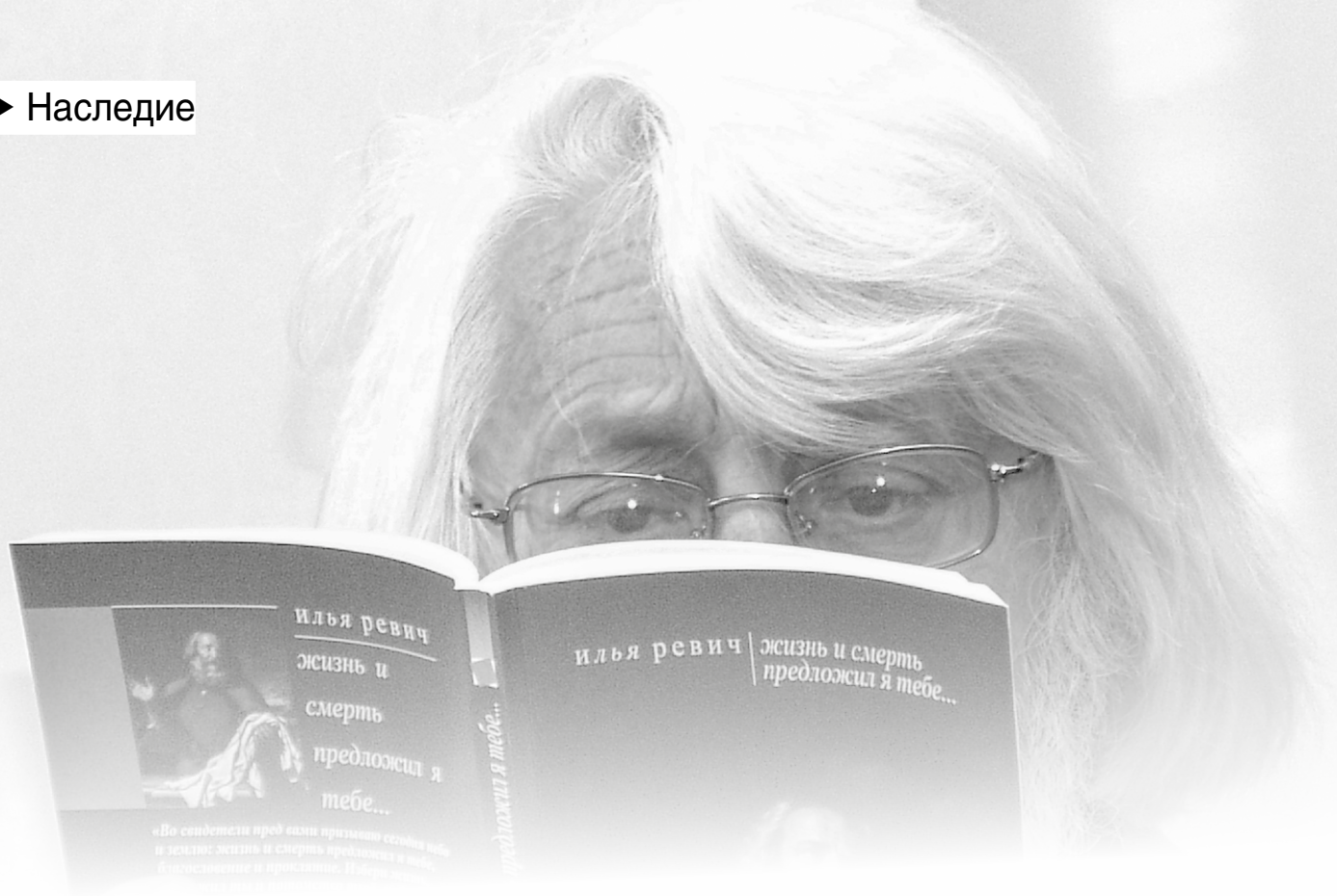

МЫСЛИТЕЛЬ И УЧИТЕЛЬ — ИЛЬЯ МИХАЙЛОВИЧ РЕВИЧ

Материал приурочен к годовщине смерти Ильи Михайловича Ревича (1948–2020 гг.), учёного и философа. Приводятся основные вехи его биографии, а также воспоминания его друзей и коллег.

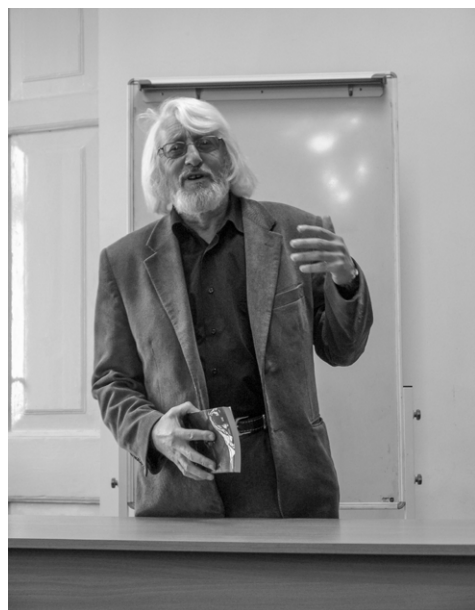
Ключевые слова: Илья Ревич, Дальний Восток, Биробиджан, Хабаровск.

Keywords: Ilia Revich, Far East, Birobidzhan, Khabarovsk.

26 декабря 2020 года ушёл из жизни замечательный человек, учёный, философ Илья Михайлович Ревич. Это случилось в Израиле, где он жил в последние годы. Похоронен в городе Ашкелоне.

Надпись на памятнике гласит: «От родных и друзей. Илья Ревич. 03.04.1948–2020.26.12. Мыслитель и Учитель, Ты был гордостью и совестью семьи и друзей. Даже пребывая на Небесах, делай наш мир лучше. Память о тебе всегда будет греть наши сердца».

Приведём несколько данных из биографии И. М. Ревича. Он родился в городе Биробиджане. В 1977 году окончил Уральский государственный университет по специальности «философия, обществоведение». С 1977 года в течение пяти лет работал старшим преподавателем кафедры марксизма-ленинизма в Хабаровском государственном институте

Илья Михайлович Ревич на презентации своей книги «Жизнь и смерть предложил я тебе...». Хабаровск, ДВГНБ, 9 октября 2007 года.

культуры — читал курсы «Марксистско-ленинская эстетика» и «Диалектический материализм». Уже тогда начал заниматься философской антропологией и философией религии. В 1982 году он уволился из института в связи с избранием по конкурсу в Хабаровский институт железнодорожного транспорта [3, с. 368].

В 1986 году в Московском государственном университете защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социальная детерминация творческой активности личности», в 2002-м в Институте философии Российской академии наук — докторскую по теме «Экзистенциально-креативное содержание феномена человечности». Он автор книги «Жизнь и смерть предложил я тебе...», вышедшей в издательстве «Грифон» в 2006 году, и двух книг воспоминаний «Биробиджанские грёзы», выпущенных в 2009 и 2011 годах издательством «Частная коллекция». Работал до отъезда в Израиль профессором кафедры социально-гуманитарных наук в Хабаровской государственной академии экономики и права. В 2010–2012 годах параллельно работал в Дальневосточной государственной научной библиотеке (ДВГНБ) старшим на-

И. М. Ревич с участниками поэтического вечера «Я, кажется, в грядущее вхожу», посвящённого О. Э. Мандельштаму. Хабаровск, ДВГНБ, январь 2011 года.

учным сотрудником, относился к этой работе с уважением и пиететом. Выступал с докладами на научных конференциях, принимал участие в консультационном сопровождении и экспертной оценке «Концепции развития Дальневосточной государственной научной библиотеки до 2020 года».

И. М. Ревич — автор статьи «Гуманистическая миссия библиотеки» [2], в которой есть замечательные слова о роли и месте библиотеки и чтения в жизни человека. Он называл библиотеку «умным местом», «храмом Логоса-Разума», «своеобразной моделью гражданского общества», «хронотопом (время и место) гражданского общения», «хронотопом дискуссий и диалога» [2, с. 13]. Чтение, по его мнению, «это обретение своего “я”, строительство своего внутреннего мира. Поэтому чтение — это труд и творчество», «одна из форм любви» [2, с. 15]. Он сам любил читать, читал много, прекрасно знал классическую литературу, поэзию, изобра-

И. М. Ревич с участниками презентации выставочного проекта «Великие учёные XX века». Хабаровск, ДВГНБ, февраль 2011 года.

зительное искусство. Ценил творчество поэтов Серебряного века, Иосифа Бродского, Поля Верлена (в переводе Б. Пастернака), из художников — Модильяни. В своих письмах часто использовал рифмованные строчки. Делал это всегда к месту, с юмором, часто с иронией, иногда с грустью и даже отчаянием. Но эти строчки предназначались только друзьям. Он был человеком тонкой душевной организации, остро чувствовал несправедливость, воспринимал беды других как свои собственные, был аскетичен в быту и всегда помнил о голодающих детях Африки. Любил путешествовать, уже после перенесённой тяжёлой операции побывал в Прибалтике и Санкт-Петербурге, приезжал в Хабаровск, как он говорил, «подышать его вольным воздухом».

Илья Михайлович беззаветно любил Библиотеку, именно так, с заглавной буквы, он употреблял это слово. Он любил

книги, всю свою сознательную жизнь собирал личную библиотеку. Рассказывал, как покупал книги во времена книжного дефицита, во время путешествий и командировок. Не жалел на это финансовых средств. В итоге собрал замечательную личную библиотеку, в которой было много книг по философии, истории культуры и религии, эстетике, произведений художественной литературы. Уехав в Израиль, он часть книг раздарил друзьям и коллегам. Часть изданий передал Дальневосточной государственной научной библиотеке. Книги включены в фонд ДВГНБ, на них стоит пометка «Библиотека И. М. Ревича». Читатель, которому попадёт в руки книга из библиотеки И. М. Ревича, если ему не известно это имя, возможно, заглянет в Интернет и найдёт там информацию о том, что это был замечательный философ и писатель [1]. Добавим также, что он был ещё и просто замечательным человеком.

Воспоминания современников об Илье Михайловиче Ревиче

Пятак Владимир Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, архивоведения и правовых учений Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема (г. Биробиджан).

Чтобы не забыть

Философы делятся на два типа. Первый — просветители. Своих мыслей у них нет, они заняты распространением чужих. Это преподаватели в подавляющем большинстве. В философию они попадают по разным причинам: из любопытства, по случайным обстоятельствам и проч. Ничего плохого в этом нет. Они могут быть хорошими преподавателями, специалистами в какой-то области философии, они делают нужную работу, обучая и передавая элементы философской культуры студентам. Но по большому счёту философии тут нет. В случае с Ильёй Ревичем ситуация

иная: он воспроизвёл классическую философскую матрицу, которая предполагает единство жизни и мысли.

Надо сказать, Илье повезло — он родился евреем. И вся его мировоззренческая, философская эволюция — это попытка уяснить смысл еврейской судьбы, иудейского этоса в европейской и мировой истории. Отсюда темы, которыми он терзался всю жизнь: *национализм и гуманизм, человек и человечность, космополис и Европа как модель будущего всего человечества*... За всем этим стоял личный опыт, его еврейская судьба стала для него источником и мотивом мысли, благодаря этой судьбе он стал философом. Он был глубоко убеждён, что на уровне человечности (разума, нравственного чувства, креативности и свободы) все люди совпадают в единстве. На этом уровне стираются все различия, обусловленные историей и географией.

Илья написал воспоминания о своей биробиджанской молодости, книжку стихов и философскую книгу о временном и вечном... Он исполнился в меру отпущенных ему сил. Но главный его урок в том, что он явил единство личности и мысли, верность своим убеждениям и стойкость в их отстаивании, достоинство свободной мысли и поступка.

Толстогузов Павел Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и журналистики Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема (г. Биробиджан).

Илья Ревич — небольшое слово о нём

Я познакомился с Ильёй где-то в начале нулевых. Он приезжал из Хабаровска в наш биробиджанский вуз по делам аспирантуры: вёл какие-то занятия для аспирантов,

Слева направо: И. М. Ревич, В. И. Пятак и А. П. Лепетухин.

участвовал в приёме кандидатского минимума по философии, руководил научными работами. Возможно, вёл ещё какие-то занятия, но я этого не знаю. Тогда были прежние учебные планы, которые предполагали преподавание именно философии, а не какой-то смежной философии науки. Сейчас, по-моему, избавляются даже от этого...

Первое впечатление от него было таким: странноватый дяденька. Да и дяденька ли? Несмотря на обильную седину, в нём было что-то детское. Изжелта-седые длинные волосы, очки, седая бородка. Небольшого роста. Разговаривая, заглядывал в глаза собеседнику снизу вверх, иногда брал за локоть. Глаза, по моим воспоминаниям, были зеленоватыми. Или светло-серыми. Забылось уже...

У него была очень интересная манера разговаривать. Он говорил, постоянно меняя высоту интонации, то очень интимно, с эмфазой придыхания («Ты понимаешь?»), то риторично-приподнято, иногда возвышая голос до педагогического крика. Всё это было похоже на интонации какого-нибудь эллинизированного александрийского еврея римской эпохи, которого я, конечно, видеть не мог, но которого представляю себе именно так. Как философ он и занимался иудео-эллинистическим (в том числе иудео-христианским) синтезом и много говорил об этом.

Я с трудом могу его представить охотящимся или рыбающим на Тунгуске, которую он, говорят, любил. Он был для меня человек вузовских коридоров, кафедры, небольшой аудитории, в которой его интонация проникновенного вещания и его восклицания были так уместны.

Однажды после каких-то кафедральных посиделок мы пошли с ним прогуляться по окрестностям биробиджанской улицы Широкой (он у кого-то поблизости остановился). Он тогда много рассказывал о себе, о своей биробиджанской юности, много разного, подчас драматического. Он говорил как всегда: иногда останавливаясь, беря меня за локоть и заглядывая в глаза — «Ты понимаешь?». Возможно, это была наша последняя очная встреча.

Для него был характерен, как он сам выражался, «нарратив космополиса». Иными словами, он был человек мира дальневосточного происхождения. Когда он уехал в Израиль, он не уехал в точном смысле слова. Он постоянно возвращался. Такое, во всяком случае, у меня было впечатление. В конце десятих он время от времени появлялся на моей странице в «Фейсбуке», откликался на споры. Часто эти отклики принимали вид обличительных виршей, в которых он бывал в высшей степени оригинален — как витийствующий, умный юрод.

Вот пример. Однажды я написал что-то о куриной косточке, которая, полежав в земле, приобрела два цвета: цвет мощей и цвет фольклорной белизны. Он ответил несколько не в тему, но очень по-своему: «О, Павел, смотри,

друг мой, в оба! Опасна эстетизация костей и гроба, коль мощи — превращённый дух, Всевышнему бодрящий глаз и слух, хотя бывает очевидно, что Богу любя плоть, когда её не видно, хотя красотке это и обидно».

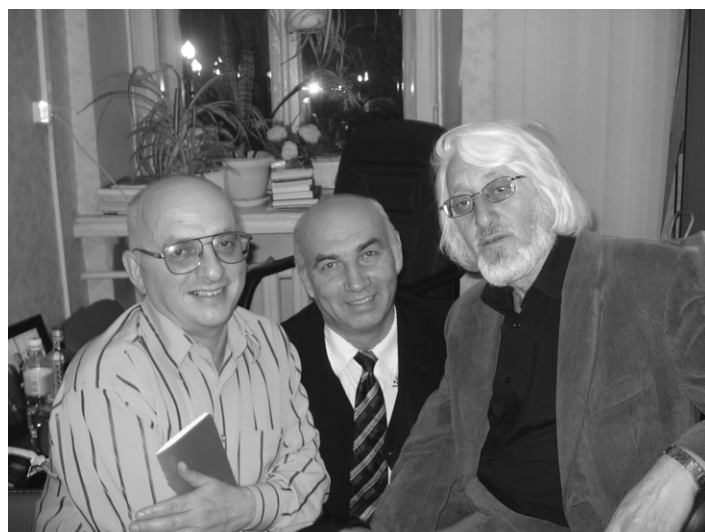
Обращение к евреям: «Неуж витраж многострадальных синагог не пропускает свет, что завещал вам Б-г!» О названиях улиц: «Улицы должны быть названы именами птиц, добрых зверей, цветов, деревьев... И никаких революционных бандитов, социальных параноиков... Можно ещё в честь учёных и поэтов». О прошлом: «Хорошим в прошлом было то, что мы БЫЛИ, бытие лучше небытия».

В моём прошлом был Илья. И это гораздо лучше, чем если бы его не было в этом прошлом...

Брейтман Александр Семёнович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международных коммуникаций, сервиса и туризма Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Жизнь и смерть предложил я тебе...

Илья Ревич родился и окончил школу, как и положено мальчику «из хорошей еврейской семьи», в Биробиджане. И поскольку по причине подмоченной родословной в МГУ на «философский» принят не был, то диплом философа получил в Свердловском университете (известная тогда философская школа). Преподавал по возвращении эстетику в родном Биробиджане (всегда вспоминал об этом как о «золотом веке») и вскоре перебрался в Хабаровск. Приобрёл здесь новых друзей и учеников, потерял жену. Единственная дочь, повторно выйдя замуж, уехала с лю-

Слева направо: А. С. Брейтман, В. Я. Лебединский, И. М. Ревич. Хабаровск, ДВГНБ, 9 октября 2007 года.

бимым внуком в Израиль, затем, родив ещё двух сыновей, в Канаду. Остался один. Но у него была тогда любимая работа. Его любили студенты и друзья, и он отвечал им взаимностью. Так можно было жить.

Достигнув, по выражению «добрых» чиновников, возраста дожития, ни о какой пенсии не помышлял. Но те же «добрые» чиновники подсушили и оптимизировали кадровый состав кафедры. В итоге (при выполнении ряда условий и предписаний) — полставки как «награда» любимому студентами преподавателю за долгий и безупречный труд.

Мы познакомились примерно лет за десять до начала чумной оптимизации высшей школы, когда ещё небо на горизонте казалось чистым, а предстоящее реформирование, о котором так долго говорила либеральная интеллигенция, разумным. Природное изящество, художавость и небольшой рост в сочетании с длинными и абсолютно белыми (седыми) волосами, усами и бородкой делали его похожим на седого юношу. Более того, он был умён и ироничен без желчи. Он был обаятелен, и с ним хотелось водить дружбу. И мы с ним дружили. Как и подобает экзистенциальному философу, на левом берегу могучей реки, истоки которой — в бескрайних просторах Великой китайской равнины, а устье — при впадении в холодные моря Тихого океана, у него была дача, являющаяся, скорее, некий русский вариант тропического бунгало, чем постройку, способную выстоять там, где почти полгода лежит снег и дуют студёные ветры. Тем не менее она стояла, и как подлинный философ (подобно античному мудрецу Солону) мой друг выращивал там капусту. Но более всего мы приезжали туда затем, чтобы, как мечтал старый Леван из данелиевского «Не горюй», пить вино, петь песни, философствовать...

Как подлинный философ, он также любил сидеть за своим рабочим столом. В духе времени легко сменил девственно белый лист формата А4 на слегка мерцающий голубым экран чуть большего формата и продолжал писать так же легко и убедительно. Илья был прекрасным собеседником, будь то лекция в студенческой аудитории, научный спор или прения по поводу очередной диссертационной защиты: блестяще, как искусный фехтовальщик, владея оружием полемики, он при этом никогда не переходил на личности. Терял самообладание лишь тогда, когда отсутствие научной аргументации подменялось «происками» врагов или «восполнялось» клишированными идеологическими инвективами. Но более всего он любил Тунгуску — стремительный с чистой водой приток Амура, куда на день — на два уезжал при первой же возможности. Его душа, утомлённая лицемерием идеологических фарисеев, искала отдохновения и покоя.

Я знал о предпочтениях своего друга по его рассказам. Но вот лет пять или шесть назад он, будто что-то предчувствуя, настойчиво позвал меня с собой. Признаюсь, я, не

рыбак и давно уже не юный натуралист, с некоторым опасением ожидал запланированного путешествия в двухместной резиновой лодке по весенней холодной Тунгуске. Одновременно росло и грызло желание каким-либо образом выйти за пределы очерченного благоразумия и вообще понять, смогу ли?... Лишь перед самым спуском на воду выяснилось, что лодка обветшала и покрыта многочисленными заплатками. С растущей тревогой я наблюдал, как буквально на моих глазах на ней появилось несколько новых прорех. Но вот мы на воде во власти стремительного потока... Уже через несколько минут стало ясно, что лодка вполне устойчива, и сидим мы крепко и основательно, и все мои страхи и сложенные собственной опасливой рукой причиндалы (типа болотников) — лишь неразумные хлопоты и извечная суета сует. Лодка без помощи вёсел движется быстро и даже как-то весело. Свободно откинувшись на резиновый борт, спиной чувствуешь сильное, но совсем не опасное течение воды... Где-то в сокровенной глубине организма рождается ощущение свободы и счастья.

Через несколько месяцев Илья улетел в Израиль: его старый отец, давно уже там живущий, тяжело заболел. Похоронив отца, он и сам стал прибаливать — неожиданно заявили о себе старые недуги. Отпуск без содержания в своём вузе по телеграмме он получил легко — его полставки передали другому полставочному профессору. Так, заполучив в «союзники» болезнь, удалось преодолеть последствия чиновной оптимизации — один из профессоров кафедры вновь работал на полную ставку. Отболев положенное, Илья вернулся в Хабаровск, на сей раз только затем, чтобы через несколько месяцев навсегда покинуть родной город. Напоследок была ещё одна, прощальная, Тунгуска, и по полной программе: сначала мы долго шли по течению до Новокаменки, потом на безлюдном берегу устроили ночлег... и искры костра уносились в бездонную темноту неба.

По сути, он уже давно был один; пока были силы и была работа — он держался. Но работы уже не было, сил оставалось всё меньше, и надо было принимать решение. И он, имея неоспоримые права на репатриацию, его принял: уехать туда, где о нём позаботятся, не унизив жалкой пенсионной подачкой на весь оставшийся срок «дожития». На пособие, которое в результате назначили нашему другу, он снимал квартиру в 56 километрах от Тель-Авива, в Ашкелоне. Он жил отшельником на берегу Средиземного моря и ещё немножечко откладывал на путешествия. Потом вдруг перестал отвечать на наши звонки и письма. Мы с моей женой Настей предполагали худшее... Он позвонил, затем появился в скайпе примерно через год. Плохо говорил и плохо выглядел. Год назад обострились его старые болезни, он был госпитализирован, почти полгода провёл в больничной палате и вышел «на свободу» уже без ноги.

Ещё примерно полгода он, как стало нам понятно позже, боролся с депрессией и решал вопрос «Как жить дальше?». Философ, учивший других подлинности и неподлинности существования, сам теперь делал свой выбор между немощами плоти и крепостью духа. Спустя год после ампутации он прилетел в Хабаровск — один, без сопровождения, с Ближнего Востока на Дальний... Конечно, здесь у него оставались незавершённые дела, друзья, что-то ещё, но, подозреваю, главным магнитом была Тунгуска — а вдруг удастся?.. Тунгуска, пусть и с тростью вместо костыля, не удалась. Прожив три дня у нас (мы с женой, восхищённые мужеством нашего друга, были рады подставить плечо...), Илья перебрался в свою холостяцкую квартиру. Не то чтобы он отвергал плечо, но он хотел сам... Ещё через год он туристом-одиночкой, объехав три прибалтийские столицы, присоединился к нам в Питере. Были встречи и дружеские разговоры, как водится, под водку и о главном. Эта встреча оказалась последней...

Мы провожали нашего друга — его, уставшего, в инвалидном кресле вёз на посадку служащий аэропорта. Шли рядом, договаривались о встрече через год в Эрец-Израэль. Пандемия коронавируса изменила наши планы — пришлось сдать уже купленные билеты.

Илья умер 26 декабря 2020 года. На его надгробной плите выбита надпись: «Во свидетели перед вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё» (Втор. 30:19:20). Эти слова вынесены на обложку его философской монографии. Эти слова я выношу в заголовок этого материала, написанного в память о друге: жизнь и смерть предложил я тебе...

Брейтман Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и журналистики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

В моём воображении Илья Ревич всегда был членом какого-то романтического братства, например Иенского кружка, или участником религиозно-философских собраний Серебряного века. Серебряные волосы, голубые глаза. В манере говорить — что-то музыкальное, вдохновенное, спонтанное. Мысль звучала чистой мелодией. То же в его лирических стихотворениях: ритмы и рифма изысканны, в них слышатся отзвуки европейской и русской классической поэзии.

Мне довелось знать Илью в последние годы. Было ясно, что самые серьёзные испытания жизнь приготовила напоследок: инвалидность, одиночество, оторванность от друзей, привычного общения, любимой дальневосточной

природы... Требовалось перевести постулаты экзистенциализма в практику жизни. И Илья достойно прошёл всё то, что уготовила ему жизнь, как философ и сильный духом человек. Превозмогая физическую слабость, он совершал поступки. Путешествовал (уже без ноги), строил планы, влюблялся, участвовал в полемике на интернет-форумах, публиковался в русскоязычных журналах, писал, ездил на скутере, вёл долгие телефонные разговоры с друзьями. Восхищался и благодарил жизнь.

Но у Серебряного ангела был свой Чёрный человек. Его ядовитый голос зазвучал в сатирических стихах и неопубликованных «Грёзах 3» (2019 г.)¹. Прочитав несколько страниц памфлета, мы с мужем не смогли читать дальше, так дисгармонично было его воздействие. Мы поняли, что в этот текст вылилось переживание «тёмной ночи души», боль отчаянной попытки объять мыслью хаос мира, разгадать судьбы России и мирового еврейства и, конечно же, понять смысл собственной жизни. Разведающая ирония, каламбуры, хлёсткие эротизмы, сарказм, тонкое чувство языка, — в этом памфлете отразились законы жанра (Вольтер, Свифт, Салтыков-Щедрин), но в то же время это и исповедь (возникали ассоциации с поэмой Венички Ерофеева «Москва — Петушки»), ёрническая, самобичующая.

Герой по имени Ник, генерал, сотрудник местной службы безопасности, вынужден решать непростую задачу: что делать с апельсинами, прибывшими Боингом-747 из Израиля — логова враждебного нам сионизма — в «Биробиджанск» в качестве подарка детям. Вихревой поток сознания Ника — пример знакомой всем «каши в голове», где смешалось всё, что ни есть на земле.

Ник выуживал из потока оперативной информации абсолютно проверенные данные, чем заняты академии наук всех наций, народов, племен и родоплеменных кланов от Гавра до Находки и от Кушки до полярной макушки, в ту и другую сторону. Тяга к величию и превосходству отчётливо и без всякого тумана просматривается у нынешней местной власти. Если армия, то самая-самая. Если богатство, то несчётное. Если любить, в смысле — харассить, то чемпионку. Если компаньон по рыбалке и охоте, то настоящий фельдмаршал или король бензоколонки. Если авто, то дорогое за пределами. Если пассажирский боинг 747, то имени Пушлерманта или Тютчева. Если каденция, то для книги рекордов Гиннеса... Если выборы, то экстренная зачистка максимум за экстремизм. Если смерть, то с прихватом всей планеты... Мол, знай наших! Если ПМЖ, то Рай, причём особый (особисты, как никак) его берег. Если

¹ Текст «Грёзы 3» был получен нами от Ильи Ревича по электронной почте. Планировалась публикация в альманахе русскоязычных писателей г. Ашкелона (Израиль). Она не состоялась из-за смерти автора.

собеседник, то Махатма... Если оппонент, то схваченный, типа, за яйца... Если яйца свои, то не простые, а золотые, типа, Фаберже... Если друзья детства, то из списка, типа, Форбс... Если, типа, пресс-секретарь, то все, типа, истины в кармане... Если, типа, бог, то свой, в доску, но в другом кармане, не дырявом...

По сути, не Ник главный герой этой истории, а содержимое его сознания — текущий через него поток политических штампов, идеологических обрывков, перевёртышей, личных травм, общих мест, расхожих лозунгов, где одно перетекает в другое, вмиг меняет полярность, выстраивается в любые мозаичные комбинации, пульсирует в коллективном бессознательном и послушно выплёскивается наружу по щелчку политических триггеров.

Искажения сознания отражаются в искажениях языка. Язык современности, замороженно обращённой в прошлое, — не дар Софии Премудрости, а, скорее, блудница Вавилонская. Ревич, надев шутовской колпак, мастерски воспроизводит звучное мракобесие, испытывая наслаждения игры, смешанное с горьким сарказмом. Ник крепко запомнил заветы вождя в годы курсантства:

Пётр Первый боролся с варварством варварскими методами. Таковы истории законы. Пётр оставил Петербургск, я оставляю — Шушенградск, я перееду в Московск, чтобы все литераторы знали, что законы революции этого требуют. Наш крейсер Аврора — это памятник, а не какой-нибудь прикол, хотя он и стоит на приколе. Кто против того прикола, тех расстрелять как защитника поповщины и покровителя мракобесия. И военной рукой навести порядок в Польше, которая уже созрела. Настанет великий день, и мы пошлём в Варшаву революционную конину, извиняюсь, конницу. Мы хотим, чтоб для народа было больше кислорода, нам нужен польский строй с большевистской головой, чтоб гордились все умы, всех врагов похерим мы. Бугя! Пусть сильнее гянет бугя! Magx hat immer Gecht! Бугя! Пусть сильнее гянет бугя! Die Pagtei hat immer Gecht! Товагисч — великое слово для пролетарцев и пролетарок. Чем больше жизнь давит и коверкает людей труда, тем крепче и живее становится в них чувство дружества и спайки. В тюрьму всех тех, кто ставит лайки, скажу, как большевик вам, без утайки, когда на Финском выступлю я с тарантайки...

В рефлексирующем (что уже необычно для служебно-иерархического устройства мозга) сознании Ника так и не был найден ответ по поводу враждебных апельсинов. Эту проблему, в силу той же иерархичности, решает тот, кто с вершины вертикали устало и небрежно обронил: «А апельсины отправьте детям».

В шутовском (эзоповом) трёпе заключено множество печальных прозрений, адресованных нам всем. Илье достало мужества посмотреть бездне в глаза. Он не отводит

взгляда и не прячется в тот или иной архаичный или пост-коммунистический миф, а безжалостно высмеивает даже то, что когда-то было дорого ему самому, то, что было его профессиональным хлебом, во что он верил. Очевидно, «Грёзы З» — это уже и не собственно грёзы... а, по выражению М. Мамардашвили (см. «Лекции о Прусте»), жизненный акт, суровый и честный. Для меня важно, что и этот ёрнический, исполненный яда текст не потерял своей музыкальности. Он весь прошит рифмами, звучит бойкой частушкой, песней, маршем... как «Двенадцать» Блока.

Эта музыкальность и есть для меня персональный код Ильи Ревича.

Р. С. Работая над памфлетом, Илья вышел из тяжёлой депрессии с надеждами и планами на будущее. Ещё почти два года он жил активно и плодотворно.

Завалишин Андрей Юрьевич, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права (г. Хабаровск).

Не помню точно, когда Илья Михайлович появился на кафедре социально-гуманитарных наук Хабаровской государственной академии экономики и права, году в 2007-м или 2008-м... Пригласил его для работы тогдашний заведующий — Вацлав Эдуардович Войшнис (тогда говорили «переманил», потому что каждый доктор наук в Хабаровске был на счету, и иметь его в составе преподавателей было важно для любого вуза). В те годы на кафедре работал достаточно многочисленный коллектив, и появление ещё одного преподавателя, хотя бы и доктора философских наук, воспринималось как что-то рядовое, обыденное. И только по прошествии времени, когда уже и я сам стал заведующим кафедрой, мне открылся масштаб этого человека.

Но осознавали это далеко не все, возможно, по причине своего рода когнитивного диссонанса — когда за внешностью тихого, вежливого, почти кроткого человека с «ангельской» внешностью скрывалась личина бунтаря, с болезненной остротой воспринимавшего все несправедливости нашего мира и не боявшегося об этом говорить.

Думаю, что Илья Михайлович прежде всего был мыслителем, учёным, а его педагогическая деятельность стала своего рода дополнением, возможно, вынужденным, потому что на одном философствовании, каким бы глубоко-мудрым оно ни было, прожить, к сожалению, невозможно. И вот как раз с этим были связаны конфликты, время от времени возникавшие у него с руководством вуза. Его не раз упрекали в том, что он излагает материал слишком сложно для студентов, они его не понимают, а потому не слушают. Соответственно, в аудитории царит шум-гам,

нет никакой дисциплины, и от этого страдает авторитет не только самого Ильи Михайловича, но и всего вуза. Опять же, и успеваемость понижается.

Вот по этой причине, а ещё и по долгу службы как заведующему кафедрой несколько раз мне пришлось (может быть, лучше сказать, посчастливилось) побывать на его лекциях. Ну, действительно, что греха таить, дисциплина на его парах была не ахти. Представьте большую аудиторию, амфитеатром уходящую на два этажа вверх, заполненную более чем сотней потоковых студентов, и где-то внизу за кафедрой невысокий, седой как лунь человек, ко всему прочему не обладающий голосом «горлана-главаря».

Илья Михайлович никогда не повышал голос ни на кого (может, и было, но при мне — никогда), то ли потому, что не мог чисто физически, то ли по сугубо философской причине — истинность мысли определяется её содержанием, а не силой звука, с которой она произнесена. Так или иначе, лекции он читал тихим голосом, и, конечно, услышать его в задних рядах можно было, только если бы в аудитории стояла полная тишина. При отсутствии микрофона и динамиков добиться этого было практически невозможно, а потому невозможно было и привлечь внимание любителей обитать «на камчатке».

Но если бы только тихий голос. Сама манера изложения материала лекции была далека от дидактической и, скорее, напоминала вдумчивую беседу двух умудрённых знаниями и жизненной мудростью людей, обоими из которых был Илья Михайлович. Он задавал себе вопросы, отвечал на них и предлагал слушателям включиться в такую философскую беседу. Боюсь, что по силам это было далеко не каждому и в любом случае требовало от студентов напряжённого интеллектуального труда, на который способны лишь немногие. Но эта беседа завораживала. Любая философская проблема как бы вскрывалась изнутри, препарировалась, отчего становилась видна её внутренняя противоречивость. Преподаватель не столько излагал учебный материал, предусмотренный методическим пособием дисциплины, сколько делился своими сокровенными мыслями, впрочем, в рамках заданной темы.

Нечто подобное происходило и в стенах кафедры, когда во время протокольных заседаний или неформальных встреч нередко сами собой возникали дискуссии по самым разным животрепещущим вопросам (преимущественно современности, хотя с таким же азартом обсуждались и сюжеты из близкого и отдалённого прошлого, а то и чисто академические проблемы). Во всех этих случаях Илье Михайловичу было что сказать, и его высказывания всегда отличались глубиной и не оставались без внимания коллег.

Была и ещё одна характеризующая его черта — это какая-то неизбывная печаль и глубокая самоирония, возможно,

ставшая своеобразной формой психологической защиты от нередко встречающейся благоглупости и простоты, зачастую переходящей в откровенное хамство. Действительно, человеку, не обременённому интеллектом и не имеющему представления об интеллигентности, вряд ли возможно понять мыслителя, а тем более разглядеть его в скромном, тихом, а потому кажущемся беззащитным человеке. Свою роль в этом, безусловно, сыграла и принадлежность Ильи Михайловича к «сынам Израилевым» — веками взлелеянное и сохраняющееся в некоторой части российского общества антисемитское жлобство, которое время от времени ощущает на себе каждый представитель «неправильной» национальности.

Проработал на кафедре Илья Михайлович около 10 лет. Начинать в период её расцвета, а уходил, когда стали множиться как снежный ком проблемы не только академического толка. Стремительно сокращалось число обучаемых студентов, год от года уменьшалась учебная нагрузка, и, как следствие, начались увольнения преподавателей. В какой-то момент на кафедре на двух профессоров осталась одна полная ставка, и её решили разделить пополам между ним и ещё одним доктором наук, чтобы сохранить обоих. Неправильная, несправедливая, но вынужденная мера. В то время у Ильи Михайловича возникли серьёзные проблемы с близкими людьми. Он попросил так сверстать учебную нагрузку, чтобы освободить от занятий осенний семестр, и у него была возможность побыть с ними и чем-то помочь. Осенью 2016 или 2017 года он уехал в Израиль и уже не вернулся назад в Россию.

После этого в течение примерно двух лет о нём не было никаких известий, и только лишь в конце 2018 года я узнал, что он перенёс сложную операцию, но успешно восстановился, живёт в Израиле, трудится, пишет философские труды, живо и неизменно критически воспринимает и оценивает события, происходящие в тех местах, с которыми связывают

*И. М. Ревич и А. Ю. Завалишин.
Иерусалим, 4 февраля 2019 года.*

Моя последняя встреча с Ильёй Михайловичем произошла в феврале 2019 года, когда я на несколько дней приехал в Иерусалим. Созвонились, встретились, повспомнили былое. Мне показалось, что он совсем не изменился за прошедшие годы. Такой же глубокий ум, острый кри-

Могу только присоединиться к этим словам. Светлому человеку светлая память.

- Подготовила И. В. Филаткина.
Фотографии предоставлены авторами воспоминаний и И. В. Филаткиной.
Материал поступил в редакцию 11.10.2021.